

На следующее утро Мо Фэй первым открыл глаза. Костюм, сброшенный прошлым вечером, уже давно был аккуратно убран собеседником на диван. Звонок телефона внутри звучал неумолимо, как зовущая душа песня, не желая умолкнуть.

Малыш-фасолинка, сладко спящий с закрытыми глазами, пробормотал:

— Не надоело?

Перевернулся на другой бок, натянул тонкое одеяло на голову и снова затих.

Мо Фэй наконец добрался до телефона, успешно нажал ответить, и Тань Ци сразу же начал с насмешливым тоном:

□Ну как, аромат что надо?□

Мо Фэй, шлепая в пластиковых тапочках, которые категорически не подходили его большой стопе, зашел в ванную, закрыл дверь и только тогда ответил:

— Говори дело!

□Что, утром еще занят?□

Мо Фэй:

— Пока!

Выключил телефон, швырнул на ковер у двери. В утренний час под струями душа смывал следы ночи.

Снаружи снова раздался возглас:

— Неужели нельзя потише?!

Движение под душем замерло, он закрыл дверь ванной.

Как сказать человеку? Деньгами? Встречаться?

Разрыв или продолжение стали проблемой, требующей срочного решения.

Эта проблема заставила Мо Фэя долго стоять под горячей водой, прежде чем выйти.

Но на кровати в VIP-номере уже не было той простыни, что была вчера, даже наволочки с подушек исчезли.

Мо Фэй на мгновение остолбенел, поднял телефон с пола, включил, подошел к дивану, взял гостиничное полотенце, с отвращением взглянул на него и начал вытирать воду с тела.

Снова зазвонил телефон. Мо Фэй, уже собравшийся высказать пару фраз, чтобы выпустить пар, обнаружил, что это звонок от секретарши Эми. Ответив, он сдержанно выдохнул и спросил:

— Что?

Эми:

□Господин Мо, господин Лян Тэньюэ, которого вы просили назначить встречу, уже связался,

он сказал, что может встретиться сегодня. Он уже прилетел и хочет сразу приехать в компанию для переговоров с вами.□

Мо Фэй промычал «хм», и Эми тут же спросила:

□Нужно, чтобы я заехала за вами?□

В номере было тепло, отопление в гостинице, черт знает с чего, работало так, что внутри и снаружи было жарко и душно. Мо Фэй холодно отказал Эми по телефону. И одновременно обнаружил, что вчера он не взял с собой сменный деловой костюм.

Когда в тот день помощник Чжоу Тан в спешке примчался, прошло уже больше двадцати минут. Лян Тэньюэ был довольно известным в индустрии режиссером и сценаристом, характер у него всегда был непростой, и к тому же он очень недолюбливал Тань Ци.

Поэтому, несмотря на то, что вездесущий, до кончиков волос гладкий и хитрый господин Тань был в компании, на него нельзя было положиться.

Нельзя же, чтобы человек еще не доехал до компании, а ему уже сказали, что он опоздает.

Чертов старина Чжун выбрал такую глухую гостиницу...

Мо Фэй переоделся, привел в порядок прическу, бросил заниматься последствиями Чжоу Тану и уехал сам за рулем.

Когда он прибыл, Лян Тэньюэ, как и ожидалось, уже ждал там, выражение лица не скрывало недовольства.

— Режиссер Лян, — на лице Мо Фэя вновь появилась та воспитанная улыбка, — прошу прощения, действительно не ожидал, что вы лично согласитесь приехать, подготовка слишком поспешная.

Лян Тэньюэ, мужчина лет пятидесяти, но с уже седеющими волосами, что добавляло ему возраста, узкие глаза и высокие брови устремились на него:

— Не готовы, так зачем же звали?

Секретарша Эми принесла кофе. Мо Фэй, с пустым желудком, взял чашку, поблагодарил, отпил глоток, и только сейчас окончательно взбодрился.

— То, что режиссер Лян согласился приехать, говорит, что вы просмотрели материалы, отправленные вам продюсером. Не ради проекта вы бы лично приехали в нашу компанию для переговоров.

Немного возвысить собеседника, похвалить проект — это его обычная тактика. Некоторых режиссеров можно привлечь деньгами, и стиль у них подходящий. Некоторые режиссеры придиричивы к тематике, инвесторам, сценарию, актерам, оборудованию — одно слово повторяется постоянно: придиричивы, придиричивы, придиричивы...

Конечно, с такими справиться очень сложно. Если сценарий или тема не особо рыночные, лучше купить права на съемки и положить под сукно, чем легкомысленно действовать.

Лян Тэньюэ был талантливым режиссером-универсалом, который быстро включался в дело. Многие хотели его пригласить, но удастся ли это, зависело от того, понравится ли ему их

«детище».

— Что я могу сказать? — Лян Тэньюэ развел руками, откинулся на спинку дивана в переговорной. — С концепцией все в порядке. Сценарий, я вижу, требует больших правок.

Мо Фэй:

— Вопрос сценария нужно обсуждать с автором, также учитывать вопросы прохождения цензуры.

Лян Тэньюэ с нетерпением почесал подбородок:

— Цензура, цензура, цензура... Вы сначала пройдите цензуру, а потом ко мне обращайтесь!

Мо Фэй:

У Лян Тэньюэ уже больше года лежал на полке фильм с бюджетом более семиста миллионов. Разрешение на показ до сих пор не получено. В наше время скорость развития информации высока, когда он снимал, уже были запущены промо-кампании и анонсы. Как только узнали, что он снимает, сразу же появилась сотня подражателей, больших и малых, схожих по тематике.

После того, как смонтированная версия впервые не прошла цензуру, последователи вырезали и изменили похожие сцены, сэкономив на бюджете. Позже они так заездили тему, что зрителям, у которых визуальный вкус часто более изощренный, чем обычный, надоело смотреть однотипные сериалы по несколько раз.

Более семиста миллионов. Даже если сейчас Лян Тэньюэ согласится вырезать и изменить все по требованиям, выпустить на экраны неполноценного «франкенштейна», ажиотаж уже прошел. Доход, вероятно, будет основан на фанатской базе самого режиссера, и будет в несколько раз меньше, чем если бы люди платили за новизну.

— Все зависит от человека, нужно действовать по обстоятельствам. Когда я только начинал в этой сфере, именно вы, режиссер Лян, мне это говорили...

* * *

Проводив Лян Тэньюэ, вернулся помощник Чжоу Тан. Он принес оставленную в гостинице большую сумку с одеждой и передал Эми, затем достал из кармана коробочку конфет и положил на стол Мо Фэю.

— Что это? — потер переносицу Мо Фэй, где чувствовалась усталость, и спросил, подняв глаза.

— Деньги...

Состояние в несколько миллиардов, семья, дети, а еще обманывает, что холостяк и водитель босса... До чего же подл этот старина Чжун!

Мо Фэй вертел в пальцах коробочку конфет с надписью «Песчинка». Сладкий аромат все еще оставался в жестяной коробке, при открытии раздавался характерный металлический звук.

Помощник Чжоу Тан, стоя перед столом, доложил:

— Изначально лежала на тумбочке в гостинице. Я не стал разглядывать, все свернул и принес.

А кто знает, разглядывал он или нет?

— Так спешишь откреститься, — усмехнулся Мо Фэй. — Получится?

Как помощник, стоявший по стойке смирно Чжоу Тан хорошо знал свой долг подчиненного. Тот, кто знает слишком много секретов, неминуемо попадет на стену, поэтому «знать, но делать вид, что не знаешь»... было наилучшей стратегией.

Положив коробочку с конфетами в ящик, Мо Фэй взглянул на время и сказал:

— Уже почти полдень!

Чжоу Тан тут же понял, что тот хочет закрыть тему прошлой ночи, и перевел разговор:

— Завтракать ты тоже не успел, совместить с обедом?

Мо Фэй кивнул в согласии и заодно поинтересовался:

— Не забудь взять и себе!

* * *

После того как Чжоу Тан вышел, Мо Фэй включил видеопроектор для обсуждения спонсорства развлекательной программы.

Помощник Чжоу Тан работал с ним почти пять лет, привычки знал хорошо, лишних слов не требовалось, выйдя за дверь, он уже знал, куда идти за его предпочтениями.

Мо Фэй тоже не был человеком, сидящим без дела. Контракты на конец года, утверждение итоговых ведомостей, подписание...

В компании, по сути, не было четкого разделения на первого и второго. Всегда свободный главный босс Тань Ци сбросил с себя полномочия, все права и обязанности раздал. Жаловаться было некому, сейчас господин Тань, наверное, увязал в какой-нибудь «флаконе с ароматом».

Мо Фэй невольно усмехнулся при этой мысли, взял маленькую коробочку с конфетами и покрутил в руках. Внутри коробки лежала стодолларовая купюра, завернутая в записку. На бумажке корявым почерком было написано: «Очень голоден, не прощаюсь. Оставляю 100 юаней на такси. Остальное потрать на шаомай с перепелиными яйцами, подкрепи почки! :)»

— Пфф!

Не сдержав насмешливого фырканья, Мо Фэй разглядывал сотню в руке. Выходит, прошлой ночью его использовали как жеребца...

Оплатили!

Эти сто юаней «за тяжелый труд» с тех пор стали причиной, по которой он невольно улыбался уголками губ в своих ночных снах.

Эта самоирония продолжалась полгода.

* * *

До сегодняшнего дня, до сегодняшнего вечера, до этого момента, когда он снова сидел на диване в Sexy Soot.

Сидящий рядом Тань Ци все еще приставал:

— Улыбаешься так, что у меня мурашки по коже. О чем думаешь?

Мо Фэй:

— Малыш-фасолинка сам пришел ко мне в руки!

То, чего сам хочешь, всегда нужно искать какую-то тюрьму, чтобы крепко-накрепко запереть его там и заставить наслаждаться, словно сладостью.

Малыша-фасолинку звали Ша Ли. Страдалец, любитель писать тексты, многократно проходил проверку и подписание на различных литературных сайтах, но до сих пор никто не брал.

Его худоба была врожденной!

В детстве его звали Ша Цзюньфань. Родился не похожим ни на отца, ни на мать, шея такая тонкая, что с трудом держала голову. Когда дул чуть сильный ветер, мама Янь Цуйтин, даже если не успевала убрать белье, сначала спешила запереть его в комнате, чтобы он не улетел, как полиэтиленовые пакеты по небу, и потом не найти.

<http://bllate.org/book/15592/1390113>